

Александр Гриневский

Истории с
приставкой

«ГЕО»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Гриневский
Истории с приставкой «ГЕО»

«Автор»

2012

Гринеvский А.

Истории с приставкой «ГЕО» / А. Гринеvский — «Автор», 2012

Автор книги – геолог, сам испытавший все перипетии жизни в экспедициях. Тайга, сплавы по рекам, медведи, голодовки, прогнозы землетрясений в Средней Азии, авария на Чернобыльской АЭС и многое другое. Тяга к неизведанному становится смыслом жизни. Видеть новое и бесконечно проверять себя: на что ты способен? Автор открывает нам другой мир, рассказывая о нем легко и свободно. Стоит закрыть глаза, и вот костер, вспыхивает яркой точкой на берегу, черная гладь воды, в которой отражается пламя, хмурая тайга за спиной затягивает в воспоминания. Веселые и грустные истории из геологической жизни, основанные на дружеских воспоминаниях, переносят нас в 70–80-е года. Нужно только сделать первый шаг, и мир откроется с другой стороны – увлекательной и неизвестной. Содержит нецензурную брань.

© Гринеvский А., 2012

© Автор, 2012

Александр Гриневский

Истории с приставкой "ГЕО"

Долгополову Вадиму Витальевичу...

*Мы красивы дорогами, шрамами,
Буруном за кормой...
Мы намолены старыми мамами,
Что так ждут нас домой.*

Автор глубоко признателен Долгополову Вадиму Витальевичу, Штенгелову Ростиславу Степановичу, Лёхову Алексею Владимировичу, Орлову Михаилу Сергеевичу, Серёге Гриневскому, Вовке Обозному, Сане Расторгуеву, Ирке Гвоздевой, Серёге Аммосову, Славке Барбанову, Серёге Волохову, невольно ставшими соавторами этих записей.

Предисловие

Ни в коем случае не претендую на обобщение и тем более на объективный взгляд. Это скорее зарисовки, обрывки воспоминаний, и если кому-то станет интересно – что ж, буду только рад.

Из повествовательной жизненной канвы выхватываются и остаются в памяти сюжеты, связанные с какими-то глупыми и несуразными, на первый взгляд, событиями. Пересказывая их друзьям, мы смеёмся и шутим, всячески пытаюсь этим умалить их значение, не понимая, что как раз они-то и составляют основу наших воспоминаний, а значит, претендуют занять главенствующее место в прожитом.

Геология. В какой ещё профессии можно столкнуться с таким разнообразием жизненных коллизий?

О геологии написано или снято не так и много. На вершине, пожалуй, Олег Куваев «Территория» да Михаил Калатозов «Неотправленное письмо». В этих произведениях описана героика геологических будней, окрашенных налётом романтики. И они правы – это имеет место быть. Но сейчас я не хочу касаться процесса самой работы как героического достижения цели.

Я хочу попытаться рассмотреть особенности геологической жизни, как некую ауру, незримо присутствующую в качестве воспоминаний и, возможно, ответственную за сложившееся мировоззрение отдельной группы людей, называющих себя геологами.

Основой для этого послужат собственные воспоминания и воспоминания друзей, рассказанные в тёплой неформальной обстановке, одним словом то, что вспоминается с очевидным удовольствием, легко и свободно.

Может это и бредовая идея, но я попробую.

Прежде чем приступить, давайте хоть как-то ограничим наше повествование – ведь любое событие обособлено пространственными и временными рамками.

Учитывая особенности описываемой профессии, пространство практически не ограничено (в пределах нашей необъятной Родины). Когда-то, будучи молодым и резвым, помотавшись по полям, я щеголял перед девочками фразой, что, мол, с пространством я разобрался, стал с ним «на ты», теперь осталось разобраться со временем. А вот со временем так просто не разберешься... да что лукавить – со временем разобраться не получилось.

Итак, время. Шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые... А время сейчас несётся галопом: двадцать лет – это уже история, тридцать – и подавно.

Что изменилось? Да всё! Не будем сравнивать. Просто мимоходом отметим некоторые особенности.

Время было окрашено в серые тона. Так называемый застой. Плановое хозяйство – все одинаковы и ходят почти что строем. Зато государственное финансирование работ и уверенность в завтрашнем дне. Совокупность этих условий давало, пожалуй, единственный плюс – потешить свою любознательность за счет государства. В случае геологических работ – получать гарантированное финансирование и планировать работы в соответствии со своими интересами. Конечно, это удавалось не всем и не всегда, но такая возможность существовала, надо было только немножко напрячься.

Техническая база? Да никакая, по сравнению с наличием современной техники. В семидесятом году мой сослуживец считал спектр на счетах – ну и что? Сто двадцать восемь точек – три дня счета.

Подведем итог – изменилось многое. На сегодняшний день, мне кажется, пространство несколько сузилось (я сознательно откидываю возможность перемещения за границу, а говорю о потаенных уголках нашей необъятной), сократились глобальные региональные исследования, позволяющие потешить душу первопроходца, зато современная инструментальная база позволяет решать задачи, о которых нельзя было подумать тридцать лет назад.

Да, в общем-то, это и неважно. Всё равно в душе настоящего геолога живет тяга неизведанного – некий идеал созерцательности. Что может быть прекраснее путешествия Пржевальского, когда изо дня в день передвигаешься по неизведанной территории, впитывая, вбирая в себя то новое, что открывается впереди, а вечером у костра, рассыпающего в ночи искры, записываешь в дневник увиденное за день. А на завтра пространство опять податливо распаивает объятия.

Теперь несколько слов о Вадиме Витальевиче Долгополове...

О Вадиме писать сложно. Личность донельзя противоречивая.

При первой встрече, в Москве, на кафедре, он не произвел на меня никакого впечатления. Высокий сорокапятiletний мужик с лысиной и длинным носом. Брезентовая заношенная штормовка, геологические говнодавы и коротковатые штаны. А если к этому прибавить мое знание, что он всего лишь старший инженер и к науке имеет только косвенное отношение, то особого уважения, а тем паче интереса, Вадим не вызывал.

Понимание, что перед тобой неординарная личность, приходило постепенно.

Вадим жил полев. Вся его жизнь была там, в экспедициях. В Москве он только переживал, коротал время от одной поездки до другой. Сам, осознанно и упрямо, он строил ту жизнь, которая ему нравилась, плюя и, наверное, внутренне презирая возню, которая велась вокруг него за захват места под солнцем. В Москве, не афишируя своих взглядов и пристрастий, он занимал незаметную нишу, стараясь особо не конфликтовать, хотя по своей сути был прирожденным интриганом. Видимо, эти качества и позволяли ему вести тот образ жизни, который он сам для себя придумал и любил. Согласитесь, в семидесятые годы жить в обществе и практически быть свободным от него – дорогого стоит.

Все просчитано, продумано и доведено до совершенства. Университет, геофак, средняя инженерная должность. Возможность участвовать и, самое главное, в какой-то степени самому выбирать место проведения полевых работ.

Вадим любил Север, и чем дальше от людей, тем лучше. Пожалуй, таких полей на факультете не было ни у кого. Гидрометрия. Таежные реки. Замеры от истока до устья. Тайга. Непроходимые места. Забросы и заборы с вертолета. Сплав на резинках. Фантастические охота и рыбалка. При этом состав экспедиции – одни студенты, редко кто-то еще с кафедры. Единоначалие и плата за это – огромная ответственность, которой он не боялся. Попасты в эти поля мечтали многие. Отбор был жестким. Вадима мало интересовало, как ты учишься и насколько

умен, важно было, как ты приспособлен к жизни и можешь ли ты прижиться в коллективе. Две трети отсеивались после первого года.

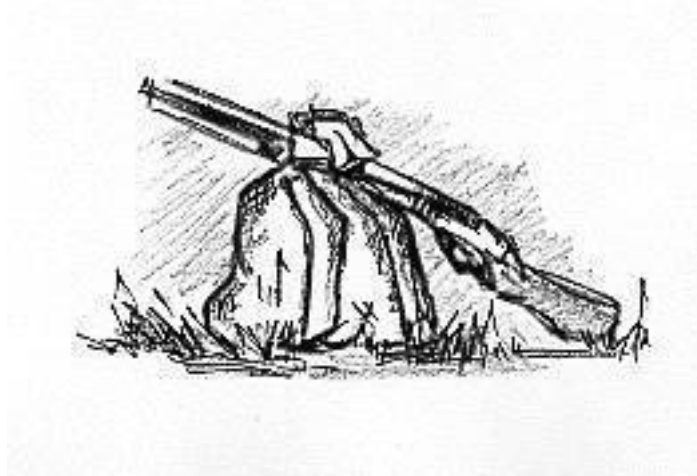
В полях Вадим раскрывался. Это был уже совершенно другой человек. Властный, знающий себе цену, принимающий все основные удары и заботы об экспедиции на себя. Непререкаемый авторитет достигался за счет досконального владения ситуацией и уверенности в себе. Обросший за долгие годы работ мощными связями, он выбивал вертолеты, организовывал промежуточные базовые лагеря и без конца ненавязчиво учил нас азам существования в тайге и коллективе.

Прекрасный рассказчик, обладающий изумительным чувством юмора. Сколько жизненных историй, и каких!

Не хочется козырять высокими словами, но, пожалуй, Вадима я могу назвать единственным учителем, который был у меня в этой жизни.

Да что там говорить. В геологической компании, если встречаются хотя бы два человека, которые бывали в полях с Вадимом, то уверяю вас, через два, три или пять часов обязательно возникнут рассказы о полях и о Вадиме, причем одни его будут клясть, другие им восхищаться, но вспомнят его обязательно.

***

Вот ты говоришь – сопричастность... Ха! Прекрасно тебя понимаю, сам через это прошел.

Помню, как впервые почувствовал, что вот-вот... и буду принят в славную плеяду геологов. Я только окончил школу, провалил экзамены в институт и устроился работать в Университет на кафедру мерзлотоведения. Занимал самую низшую должность – препаратор с окладом шестьдесят пять рублей. Естественно, общался в основном с техническим персоналом, и казались мне они такими матерыми геологическими волками, что дальше некуда. Рассказы о полевой жизни и геологическом прошлом лились рекой.

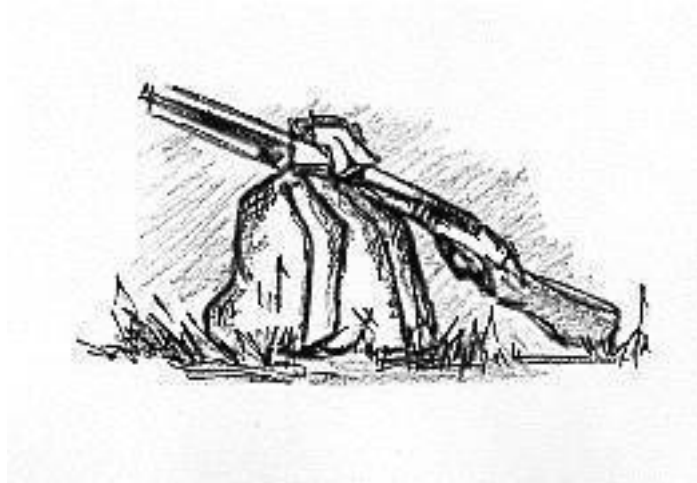
А острое чувство сопричастности захлестнуло, когда мы стояли тесной группой вокруг замызанного столика в пивной. Помнишь, была автопоилка на улице Строителей, недалеко от Университета?

И я увидел, ну как бы со стороны, что внутри этого провонявшего пивом, табаком и туалетом помещения, среди серой массы посетителей и монотонного гула голосов, прерываемого отдельными пьяными выкриками, образовался обособленный островок – наш уставленный пивными кружками столик, а вокруг него, плечом к плечу, сдвинув к центру головы, чтобы лучше слышать друг друга, стоят уверенные в себе мужчины, беседуют. И отделяет их от копо-

шашейся вокруг людской массы причастность к общему тяжелому интересному и часто небезопасному делу.

И среди них я молодой, еще ничего не видевший... но уже принят, уже голова к голове, уже один из них!

***

Какими же мы были молодыми и глупыми!

Мой первый маршрут. Студент. Гидрометрия.

Река спокойная – ни порогов, ни завалов.

Вечером разбивали лагерь, палатки, костер, жратва – в основном консервы и крупы, сушка промокшей одежды и бесконечное чаепитие.

Костер – яркой точкой, черная гладь воды, в которой отражается пламя, хмурая тайга за спиной.

Комар, мошка и гнус, особенно под вечер. Особый шик – не пользоваться никакими препаратами, отгоняющими эту дрянь.

Нас было четверо. Мы с Бараном – самые ленивые.

Технология отхода ко сну, если можно так выразиться, была разработана задолго до нас. Вход в палатку тщательно зашивали нитками, после того как забирались в нее сами. Молний на входе тогда еще не было. Простые деревянные застёжки просовывались через петелечки. Сами застёжки располагались в пятнадцати сантиметрах друг от друга, и комар преспокойно проникал внутрь. Зашив вход, при помощи свечи всех залетевших комаров выжигали и только потом укладывались спать.

Мы же с Бараном были выше этого. Настоящий геолог должен терпеть лишения и трудности! Мы ленились и терпели. Вход в палатку даже не застегивали. Бессмысленно. Залезали в спальники, а лицо накрывали телогрейкой. За день уставали, засыпали мгновенно, как проваливались.

Пробуждение на рассвете было мучительным. Со стонами и причитаниями пальцами разлепляли глаза. Морда опухшая и красная, как кусок сырого мяса, пальцы – сардельки. Ползли к реке и окунали горящее лицо в воду. В таком режиме выдержали два-три дня, а потом, как и все, перестали лениться и стали зашиваться на ночь.

Тайга учит быстро. Сначала ты стараешься вести себя так, как привык. Мол, ты сильнее обстоятельств, и пускай эти обстоятельства подстраиваются под тебя. Три, четыре дня, от силы неделя, и начинаешь понимать, что это тебе придется подстраиваться, и чем раньше ты это сделаешь, тем тебе же будет лучше.

Смотришь на карту – сплошная зелень и синяя ниточка реки. Ну и что? А вот отошел на сто метров от реки, потерял её из вида, вспомнил зелень на карте и в следующий раз уже будешь отходить так, чтобы река была в зоне видимости, или по зарубкам на деревьях.

Есть, конечно, компас и есть солнце, которое, кстати, не всегда светит, но береженого Бог бережет.

Мошка, комар, гнус – а, фигня! Да, дня два, три. А как прожить два, три месяца? Учись у других, более опытных, не придумывай ничего нового, правила выживания в тайге определены задолго до твоего рождения. Если не дурак – приспособишься.

Идешь вдоль берега – не по сторонам глазей, а смотри под ноги – не дай Бог оступиться на какой-нибудь коряге. Ногу сломаешь – до врачей не добраться. Очень быстро становишься осторожным и аккуратным.

Сашка Онищенко забрасывал блесну с лодки, неудобно, размахнулся и засадил себе тройник в затылок. Два крючка зашли глубоко под кожу. Что делать? Обрезали леску и погребли дальше. Блесна здоровая, на шуку, бьет по затылку.

Вечером стали лагерем. Надо резать. Бритвы нет. Наточили нож, прокалили на огне, кое-как обрили волосы, сделали надрезы и вытащили крючки.

Сашке, вообще, везло. Вернулся после поля в Москву и сразу в больницу, острый приступ аппендицита. Если бы приступ случился на несколько дней раньше, в маршруте – все! Кашлык!

Но раздолбайства хватало...

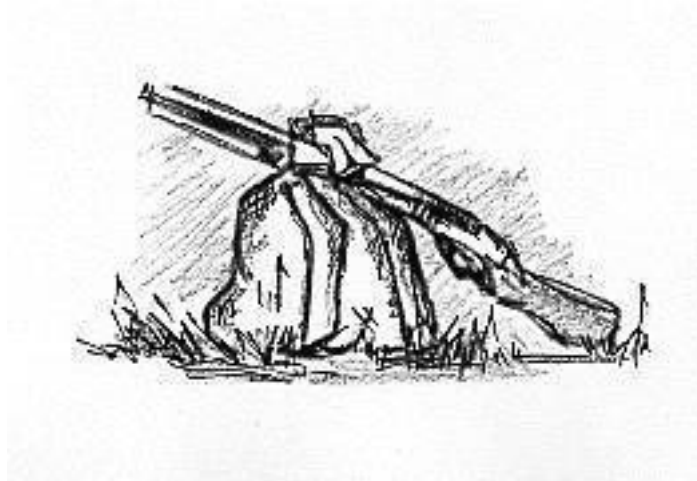
У Вадима в хозяйстве было несколько ружей. Старые одностволки, вместо ремней веревки. На каждую маршрутную группу полагалось ружье с обязательными жаканами. Вдруг медведь, да и беглые по тайге порой шляются.

У нас был легкий маршрут, места заселенные, и Вадим нам ружья не дал, но патроны мы с собой взяли. А раз взяли, то надо бы бабахнуть. А как? Мы же умные – костер!

Как-то вечером, уже чай попили, стемнело, дождик моросит, мы жакан в костер, а сами под берег. Сидим, согнувшись в три погибели, ждем, когда рванет. Тридцать секунд, минута, пять минут – ничего не происходит.

Обрывчик низкий, полметра высотой. Полоска песка под ногами узкая. Темень, грязь, холодно, сверху дождик поливает, тело затекло. Надо бы высунуться посмотреть, да страшно – вдруг сейчас и пальнет. Просидели минут двадцать. Когда стало совсем невмоготу, вылезли, быстро залили костер водой, пошуровали среди головешек, патрон не нашли и, дрожа от холода, расползлись по палаткам. Куда он делся – непонятно... Повезло, наверное...

***

Да... Вадим любил поорать. Особенно когда не в настроении.

Помню, как-то сворачиваем лагерь. Вадим не в духе. Сначала ходил, бурчал, что всё делаем не так, не правильно – встаем поздно, ничего не успеваем.

Дальше – хуже.

– Кто так палатку свертывает? Рабочиков Бог послал! Руки из жопы растут! Чай опять переварили! Ничего поручить нельзя.

Распаляется. Покрикивать начал. Все понимающе показательно суетятся, свертывая лагерь.

А Серёга, он всегда с утра был тяжел на подъём. Есть такие люди – просыпаются в отвратительном настроении, всё не так, белый свет не мил. Эту особенность все знали и обычно до завтрака, пока не расходитя, его не трогали. Ну есть у человека такая беда – не мил ему с утра белый свет.

Так вот, Вадим укладывает скарб в резинку и орет на тех, кто копошится на берегу, подтаскивая вещи. Серёга угрюмо в одиночестве сидит у догорающего костра, допивает свой чай. Рабочая атмосфера, одним словом.

Собрались. Осталось сунуть в лодку костровые рогатины и перекладину – мы их с собой возили, чтобы на следующей стоянке не тратить время на вырубку новых.

– Сколько можно возиться? – разоряется, уже сидя в лодке, Вадим. – Ползаете, как сонные мухи! Всё, поплыли! Сережа, хватит чаи гонять – лопнешь. Ну, работнички! Эти палатку толком свернуть не могут, этот чай тут распивает, когда плыть давно пора. Давай рогатки!

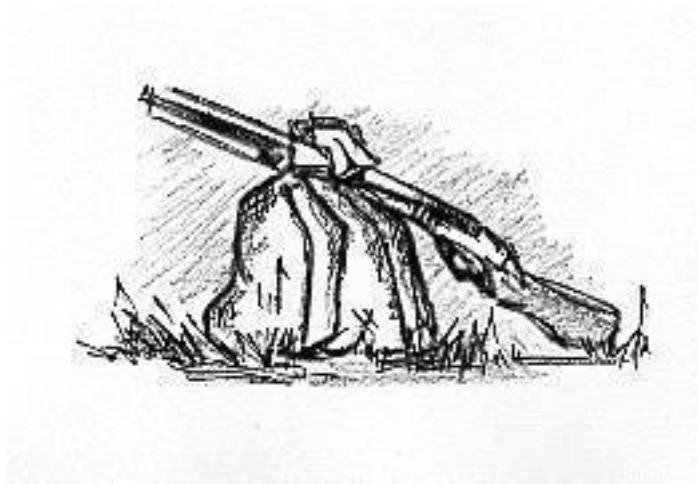
Мрачный Серега поднимается и с остервенением швыряет костровую перекладину в сторону лодки с сидящим в ней Вадимом. Брошенная перекладина с легкостью прошивает насквозь туго накаченный баллон лодки. Громкий хлопок и шипение вырвавшегося наружу воздуха.

Точно в десятку!

Картина Репина «Не ждали»!

Немая сцена, лишь пробулькивают в воде пузырьки воздуха, вырывающиеся из умирающего баллона уже накренившейся на один борт лодки. И... удивленно озадаченное лицо замолчавшего Вадима.

***

Зима, мороз, холод собачий. Архангельская область, засыпанная снегом тайга. Стационарный гидрометрический створ, одинокая рубленая изба на берегу, занесённая снегом по окна.

Река, почерневшая от злобы, вязко течет, вода парит на морозе.

Вадим в белом полушубке, подпоясанный ремнем, в унтах, высокий, голенастый, давая командным голосом последние указания мужикам, идущим гуськом вслед за ним по протоп-

танной в глубоком снегу тропинке, неспешно направляется к берегу, где болтается на темной воде оранжевая резинка.

Вадим развозит по точкам «полевые» – надбавку к зарплате за полевые работы. На плече болтается сумка, набитая деньгами под завязку.

Идет, не оборачиваясь, продолжая беседовать с провожающими его мужиками.

Хлипкие мостки.

– Так что, мужики, я на вас надеюсь... Давайте без пьянки и без халтуры, – Вадим, потеряв бдительность и свою обычную собранность, расслабленный начальственным величием раздачи столь ожидаемых денежных пособий, делает размашистый шаг, опираясь ногой на баллон лодки. Тот резко ныряет вниз и в сторону. Нелепо взмахнув руками, Вадим плашмя рушится в вязкую ледяную воду.

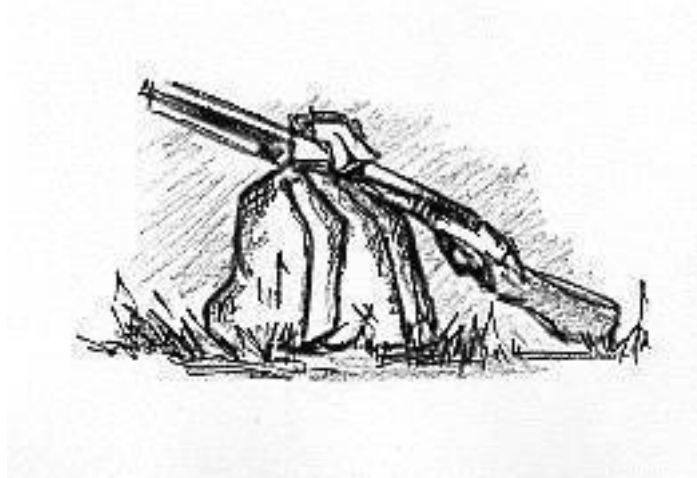
Застывшее идиотское изумление на лицах провожающих.

Слава Богу – не глубоко. Вадим выныривает, неуклюжим медведем выбирается на берег, молча расталкивает ошеломленных мужиков и огромными скачками несется по тропинке к дому.

По воде вдоль берега размытым блином плывет шапка-ушанка.

В жарко натопленной избе, в черных до колен «семейниках», в отвисшей майке за столом сидит, сверкая лысиной, Вадим, дует горячий чай из кружки, а над его головой по всей комнате паутиной натянута веревка. На веревках болтаются переломленные надвое купюры – трешки, пятерки, десятки – словно новогодние флажки, навевая своей пестротой праздничную атмосферу. Вадим сушит казенные деньги.

***

Я про Вадима такую байку слышал... Взял он как-то на работу мужика, местного, на время полевого сезона. А мужика этого в пятидесятые посадили, и оттянул он полную пятнашку. Вадима это почему-то не испугало...

Да в общем, дело-то не в этом.

Ну так вот, мужичок этот коммуняк ненавидел люто. Вадим, как ты знаешь, тоже их на дух не переносил. Тайга, костер, душевные разговоры... Мужик и открылся – говорит, мол, мечта у меня есть: памятник Ленину, что на площади в поселке стоит, взорвать! Вадим ему спокойно: «Зачем взрывать-то? Ты к машине тросом его подцепи, и по газам.»

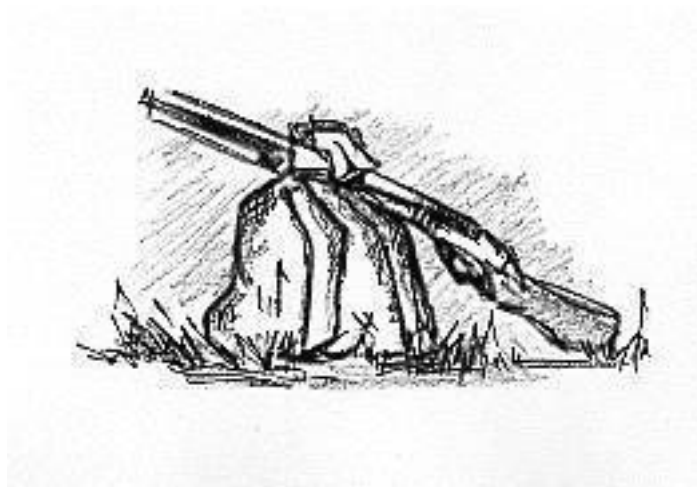
Приезжает Вадим на следующий год, а ему докладывают:

– Володьку-то опять посадили.

– Как? За что?

– Да памятник Ленину машиной сдернул!

***

Да... Шуточки у Вадима были ещё те... Злые шутки! Мне даже казалось иногда, что он не просчитывает до конца, во что они могут вылиться. Я тебе не рассказывал, как он нас с медведем развёл? Классная история!

Я тогда студентом был... уже заканчивал, а Вадим только-только стал начальником экспедиции. Экспедиция – это громко сказано – пара работяг да три студента. Север, Архангельская тайга – глухая, сырая, тёмная... Палатки и бесконечные дожди.

А тут вдруг из Москвы начальство прикатило, то ли с проверкой, то ли просто отдохнуть недельку, из ружья пострелять. Вадим засуетился – сам охотник заядлый. Работу взвалил на нас, а сам с высоким гостем целыми днями по тайге мотается.

Возвращаются как-то рано – возбужденные, горластые – и ну рассказывать, как недалеко от лагеря на медведицу с медвежонком наткнулись. Повезло, с подветренной стороны были – не унюхала. Мы, конечно, уши развесили. И пошли-полились бесконечные байки, заканчивающиеся, в основном, одним – задрал медведь насмерть! А если кто спасся – то чудом.

Ну не мог наш живой интерес пройти мимо Вадима. Уж не знаю точно, была ли на самом деле медведица с медвежонком, но Вадим в эту идею вцепился. Отошел от лагеря, якобы проверить что и как, а потом слышим – кричит, зовет. Подходим, а он сидит на корточках на берегу ручья, что тек в низинке, и рассматривает след, отпечатанный в прибрежной грязи, сломанный сук показывает, и по всему выходит – медведица-то у самого лагеря бродит!

Я сейчас почти уверен, что этот след он сам вылепил, чтобы нас поугаждать, и не было вообще никакого медведя.

Дальше – больше. Вечером сидим у костра, рассказы травим, чай дуем, а тут за спиной в кустах как затрещит, заворочается что-то. Хруст сломанных веток аж по всему лесу. Встрепнулись, сердечко обмерло. Стихло, и по новой потекли разговоры – медведица... рядом... бродит... В общем, честно скажу: не по себе – страшновато.

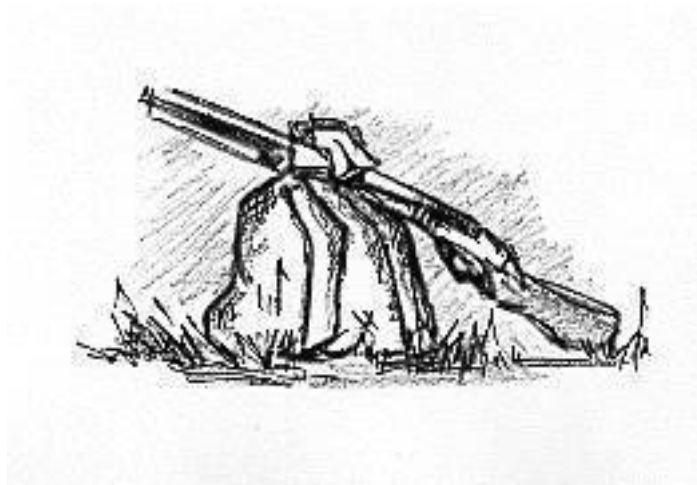
И всё бы ничего, но по тем временам полагалось на двоих одно ружье, да ты знаешь... И повезло мне, что привык я голый спать...

Залезли в спальники, поворочались, да и заснули. По двое мы тогда в палатках жили. Просыпаюсь ночью – мочевого пузырь разрывается. Вылезаю тихонечко, напарника бы не разбудить, а полу палатки тщательно прикрываю, чтобы комар не налетел. Отошел на два шага, стою с закрытыми глазами, сон боюсь растерять, писаю. И так же с закрытыми глазами обратно к палатке, шарю руками, шебаршусь, вход ищу. Распахнул и лбом о железо – стволы. Напарник спросонья подумал, что медведь в палатку ломится. Хорошо, говорит, что ты голый был, я как-то сразу понял... Силуэт светлый...

А если бы я телогрейку тогда накинул?

Да, тебе смешно... Ну, давай Вадима помянем, что ли...

***

Работал у нас в Универе молодой мужик... Инженер. А времена застыли глубоко советские: денег платили всем почти одинаково – мало, и чтобы их чуть-чуть прибавить, а заодно потешить собственное самолюбие, приходилось играть в распространенную тогда игру под названием «карьера».

Ну так вот... И был этот мужик просто заиклен на карьерном росте. Ну очень хотелось ему вскарабкаться по служебной лесенке ещё на одну ступеньку.

Вадим к нему относился весьма трепетно и с огромным живым интересом. Дело в том, что у того было своеобразное чувство юмора, вернее сказать, полное его отсутствие. Это вело к бесконечным розыгрышам со стороны Вадима, и покупался тот на них с изумительным постоянством.

Как-то, будучи в полях, выясняется, что к ним прибывает научное кафедральное руководство в лице непосредственного начальника – доктора наук. Вот она возможность непридуманного общения в простой неформальной обстановке. Можно показать, как говорить, товар лицом! Заметят – глядишь и повышение по службе со временем заработаешь.

Мужик к Вадиму:

– Скажи, ты же знаешь, давно работаешь, что начальство любит, чем угодить?

Вадим на голубом глазу, задумчиво, как бы рассуждая:

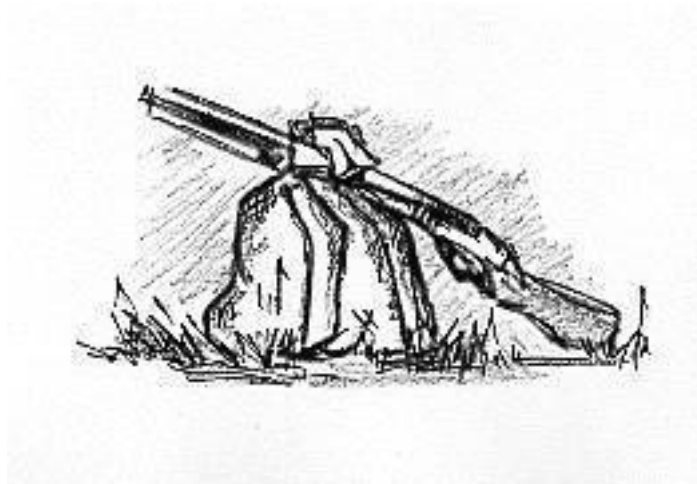
– Понимаешь, я даже сам до конца этого объяснить не могу, но любит наше начальство хорошее забористое матерное словцо. Прямо вот расцветает душа начальства, когда слышит. И ведь непонятно, почему так? Ты слышал, наверное, что начальство-то у нас из бывших, из дворян. Я вот думаю – всё это издержки воспитания. Ну там няни всякие, гувернантки или еще какая хрень. Не было у него нормального хулиганского детства, как у нас с тобой. Воспитывался в рафинированной интеллигентной обстановке. Отсюда и любовь к мату – вот сейчас и добирает.

Дальше – красиво! Палатка, в которой разместилось прибывшее начальство, а рядом с утра до вечера вертится наш карьерист, весело и громогласно отпуская в пространство забористые матерные рулады.

Так вот, начальство взмолилось уже к вечеру второго дня:

– Вадим Витальевич, а не могли бы Вы отослать куда-нибудь этого матерщинника? Сил нет больше это выносить!

***

Потом был Ленинабад...

Я после института распределился в ИФЗ – академический институт, а по тем временам работать в академической системе и заниматься чистой наукой было, ой, как престижно. Выдали мне, молодому специалисту, красную книжечку – пузатую такую, с выдавленным гербом и строгой лаконичной надписью – Академия Наук СССР. И почувствовал я в себе избранность и гордость от сопричастности к миру большой науки.

Месяца два я просидел в Ленинабаде (мы тогда полигон для прогноза землетрясений организовывали), и тут подкатил новый год. Домой хотелось до одури, там жена молодая – мы с ней только год как поженились. Так вот, незадача – самолеты перестали летать. Я уже не помню сейчас причины, по-моему, перебои с керосином по всей стране. Не суть. Новый год провести дома – вот основная идея, которая разъедала тогда мой мозг. Обреченно добрел до ж/д касс – билетов, естественно, нет и не предвидится.

И тогда я решился. Надел кургузый костюмчик, поехал на вокзал, нашел дверь с надписью «начальник вокзала», постучал, уверенно вошел и со словами: «Академия наук! Служба прогноза землетрясений!» – уверенно сунул в лицо сидящего за столом человека свою красную книжицу.

Усталый задерганный пожилой мужчина в мятой несвежей форме молча, с тоской смотрел на меня. Чувствуя несоответствие громких фраз и внешнего вида сидящего за столом начальника вокзала, я стушевался.

– Академия наук... Работа... Прогноз землетрясений... Билеты на Москву... Самолёты не летают... Новый год... Семья...

Он молча слушал, обдумывая что-то про себя. Я выдохся и замолчал.

– Сколько человек?

– Трое.

– Плацкарт. Иди в кассу, я предупрежу.

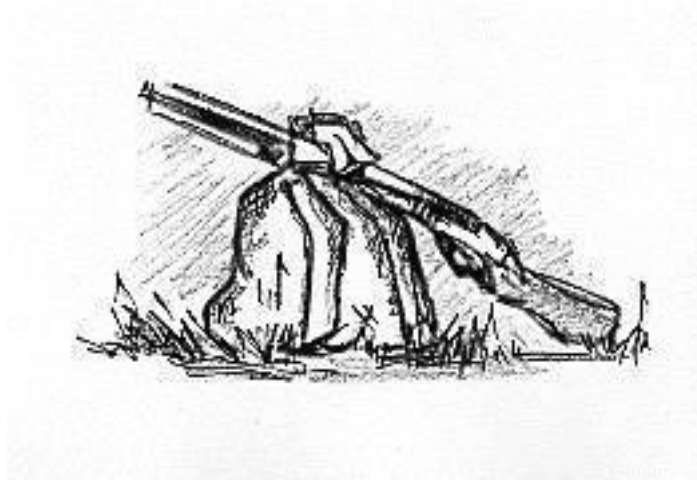
– Может, купе?

Катить предстояло через всю страну, трое суток, а «среднеазиатский плацкарт» – это не то, что плацкарт в России, уж поверь мне, – куда грязнее и забитей.

– Плацкарт, – как отрезал.

И пошел я в кассу, стыдливо засовывая красную книжицу с давленным гербом в карман пиджака.

***

А Баку?! Мы с Толиком Наклоновым поехали туда в командировку – принимать скважинные приборы, изготовленные специально для нас местным КБ. Толик был «прибористом», я же мнил себя матёрым геологом, и поэтому поглядывал на него чуть свысока.

Улетали из Москвы поздней осенью (снег уже кое-где лежал), надеясь понежиться в тепле, погреться на солнышке.

Несуразица началась сразу. Стоим с Толиком в накопителе, в стороне от всех, мирно беседуем. Смотрю, народ двинулся в сторону автобуса, который должен везти к самолёту, Толик задергался, занервничал.

– Не суетись, – говорю со знанием дела. – Пускай все пройдут, чего давиться, мы же всё знаем, не первый раз летим.

Зашли в автобус, не спеша, последними. Подвезли к трапу. Я снова ненавязчиво отвожу Толика в сторону – мол, не спеши, пусть все зайдут, мы потом, мест на всех хватит.

Последними, оживленно беседуя, не спеша поднялись по трапу, протянули билеты улыбочивой стюардессе. Та посмотрела на билеты, потом с интересом посмотрела на нас и, все с той же дежурной улыбкой, объявила: «Ребята, у Вас билеты-то на Баку, а этот борт летит в Уфу».

– А как? А мы? А куда? – оторопь и непонимание.

Та только плечами пожала, безразлично осматривая поверх наших голов пустынное лётное поле.

И побежали мы с Толиком, одинокие, по бесконечному, овеваемому всеми ветрами летному полю к каким-то игрушечным самолетикам, видневшимся вдалеке, и сумки, груженные вещами, били нас по ногам.

Дуракам везёт! Откуда ни возьмись, вырулил автобус. Мы заполошно замахали руками. Он притормозил. И вот оно чудо – везет этот автобус пассажиров Бакинского рейса.

Думаете, на этом всё закончилось? Куда там...

При подлёте к Баку как-то активизировались стюардессы, лица посерьезнели, забегали по салону. А тут и радио заговорило: «В Баку объявлено штормовое предупреждение, садиться будем на запасной аэродром.» Через десять минут всё поменялось и объявили, что садиться будем все-таки в Баку.

Короче говоря, первый заход не удался. Борт просто сдуло боковым ветром с полосы. Со второго раза, прицелившись получше, приземлиться получилось. Пилот дал приличного «козла», все радостно захлопали и облегченно прилипли к иллюминаторам.

О солнце говорить не приходилось – мела метель. Видимость нулевая. Шквальный ветер. Снежинки неслись параллельно земле. Как выяснилось позже, наш борт был последним, который совершил посадку в этот день.

Город был завален снегом по самое некуда. Для южного города такое количество снега – катастрофа. Метель резвилась. Троллейбусы, облепленные снегом, встали. Движение на дорогах практически остановилось. В воздухе металась снежная заряды, по тротуарам из-под снега хлестали потоки воды. Люди передвигались в снежной мути, согнувшись в три погибели.

Кое-как добрались до гостиницы – современная высотка в центре города, окна – огромные стеклянные соты.

Мы же белые люди, из Москвы – номер заказан заранее.

Номер оказался на последнем этаже. И всё бы ничего, да вот окно разбито и на полу приютился такой небольшо-о-й сугробик. А за окном висит белый снежный занавес, и ветер гуляет по комнате.

Наше возмущение было беспредельно! Как так: москвичи, Академия Наук, прогноз землетрясений, а тут такое!

Пылая праведным негодованием, я отправился к директору.

Лощеный красавец с тонкими черными усиками на загорелом лице внимательно выслушал мои возмущенные и оттого довольно сбивчивые претензии.

– Нэ хочэш – нэ живи! – потеряв всякий интерес ко мне, отвернулся в сторону окна.

Я оторопел.

– А как же?..

– Что нэ понятно? Я же ясно говорю: «Нэ хочеш – нэ живи».

Пришлось, что-то невнятно бурча, ретироваться.

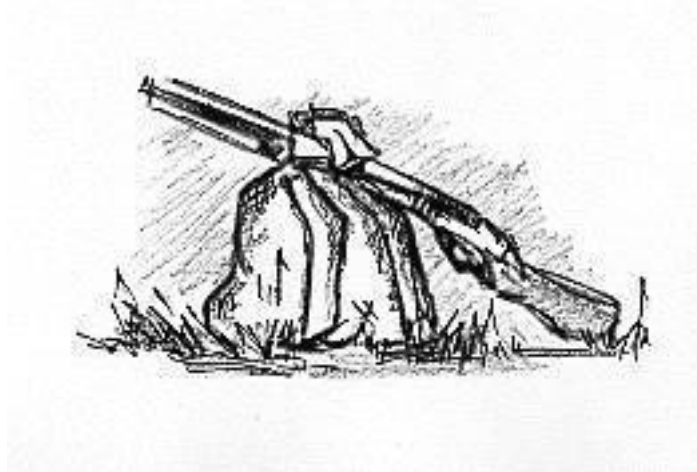
Разбитое окно мы заткнули подушкой, но теплее не стало – в гостинице не топили.

Нас спас «Агдам» – был в те времена такой портвейн. Кипятильником мы грели его в кружках практически до кипения и пили мелкими глотками, как чай. Надевали на себя всю одежду, вплоть до верхней: я – куртку, Толик – черное демисезонное пальто. Забирались под одеяла.

Особенно уморительно выглядел Толик, который спасаясь от холода, умудрялся ложиться в постель не только в пальто, но еще и в черной фетровой шляпе.

Всего два дня, потом в Баку вернулось тепло.

***

Обычно Вадим не брал женщин в поля, но Людка была, во-первых, отличницей, преданно смотрящей начальству в рот, а во-вторых, что совсем немаловажно, физически выносливой и крепкой.

Грешно говорить, но, по-моему, создатель, намаявшись со скрупулёзной работой по деланию человека, отбросил в сердцах резец и взял в руки топор. Людка получилась коренастой

и мужеподобной. Некрасиво вылепленное лицо с глубоко посаженными глазами. Ко всему прочему, присутствовали зачатки бакенбард, которые она стыдливо скрывала распущенными волосами.

Характер был хороший, да вот не повезло с внешностью.

И жил в ней синдром отличника – всегда и во всём быть первой – то ли из-за внешности, то ли ещё по какой причине, не знаю... Вадим это прекрасно видел и пройти мимо ну никак не мог.

В маршрут обычно забрасывали трех, максимум четырех человек. Вадим прикинул, что самые раздолбаи, менее всех поддающиеся дисциплине, – это мы с Бараном. Вот и решил сыграть – посмотреть, как сложатся взаимоотношения в отряде, если главной над нами поставить Людку. Сказано – сделано. Людка счастлива. Нам с Бараном, в общем-то, всё равно, хотя... баба в начальниках, как-то это не так.

Людка деятельность развила бурную – карту изучает, советуется с Вадимом, где створы ставить, нас гоняет, указывает какие продукты закупать. Одним словом, начальник. Мы с Бараном терпим, а куда денешься? У Вадима особо не посвоевольничаешь.

Каждой маршрутной группе полагалось иметь ружье. Были у Вадима несколько старых раздолбанных одностволок, которые он раздавал старшим в группе.

Людка вцепилась в ружье, как фея в волшебную палочку.

Собрались, загрузились в вертолет, выбросились на реку. Поплыли двумя лодками. На первой – я и Баран, следом – Людка с картой на коленях и ружьем поверх барахла, вдруг утка над водой пойдет.

Вечером у костра, Людка еще раз строго пробубнила нам, что подъем завтра в шесть утра, быстро завтракаем, делаем створ, плывем дальше, через пять километров делаем еще створ, опять плывем... Мы понуро выслушали.

Утро порушило её планы. Бодро откинув полог палатки, она радостно прокричала:

– Уже шесть, подъём мальчики!

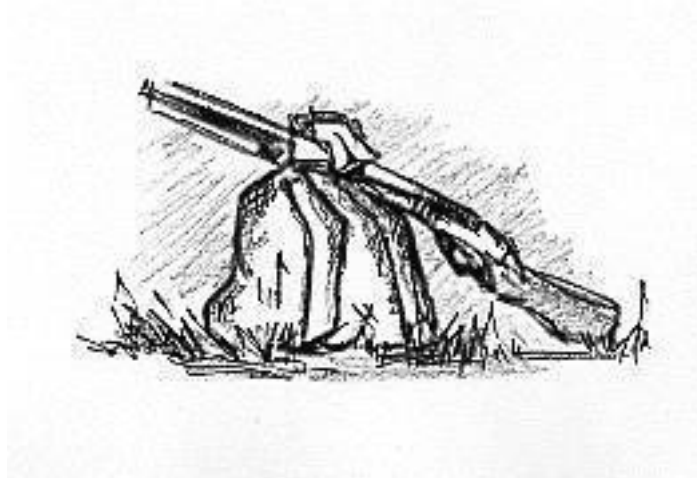
– Срыгни с раздачи! – не открывая глаз, зло в ответ рявкнул Баран.

– Дурак! – истерично выкрикнула Людка, и её сдуло.

Выползли мы из палатки около десяти. Людка обиженно сидела у костра. Не спеша позавтракали, сделали створ и поплыли.

Ружье перекечвало к нам в лодку.

***

Средняя Азия, прогноз землетрясений, ну я тебе уже рассказывал... Жарища несусветная, разгар лета. Пустыня ровная, как стол, укрыться негде. И посреди этой раскаленной сковородки торчит ржавый оголовок скважины.

Мы со Славкой занимались тогда изучением изменения уровня подземных вод, пытались привязать эти изменения к землетрясениям. Молодые были, горячие, да к тому же у Славки еще и мышление нетривиальное – вечно что-нибудь выдумает. Как следствие, возникла идея измерять коэффициент фильтрации. В первом приближении это параметр, который характеризует способность воды просачиваться сквозь породу. Значит надо либо откачать воду из скважины, либо наоборот – налить в неё воду. А где взять воду в пустыне? Правильно, негде.

И решили мы воду отчерпать. Взяли здоровущую ржавую трубу, что бесхозно валялась поблизости, и с одного конца забили деревянную пробку, а на другом – прикрутили проволочную петлю. Из подручных средств построили треногу и установили над скважиной. С помощью этой треноги опускали трубу в скважину, она заполнялась водой, а мы верёвкой тащили её наружу. И всё бы ничего, но отчерпать надо было много и, что самое веселое, делать это надо было достаточно быстро.

А вот теперь – картина маслом...

Задыхаясь и хрипя, перекинув через плечо веревку, мы по очереди бесконечно долго таскаем за собой по жаре железную трубу, наполненную водой. В одних трусах, головы обмотаны майками, чтобы не получить солнечный удар, в белых соляных разводах от высохшего пота на спине и груди – на такой жаре пот сразу высыхает, а солнце в самом зените и температура воздуха градусов тридцать пять – это уж точно, а может и больше. В общем, фрагмент триптиха Босха «Ад».

И вдруг посреди этой залитой солнцем пустоты замаячил, колышась в жарком мареве, столб пыли, издали приближающийся к нам.

Лихо подкатил уазик, открылись двери, и перед нами предстало высокое институтское начальство из Москвы во главе с заместителем директора – бывшим партийным функционером, брошенным в настоящий момент на руководство прогнозом землетрясений. В белых рубашках с коротким рукавом, в отутюженных брюках, портфели и папки в руках.

Мы хрипя бегаем, таская за собой железяку с водой на верёвке, прерваться не можем – эксперимент пойдет насмарку.

Постояли, посмотрели, что-то спросили.

Главный смотрел с какой-то, одному ему ведомой, тоской и презрением. Наконец, выдал знаменательную фразу.

– Рабий труд!

Загрузились в машину и отбыли восвояси.

Через месяц, появившись в родном институте, я увидел на доске объявлений приказ – мне подняли зарплату аж на пять рублей. И стал я получать сто двадцать пять рублей в месяц.

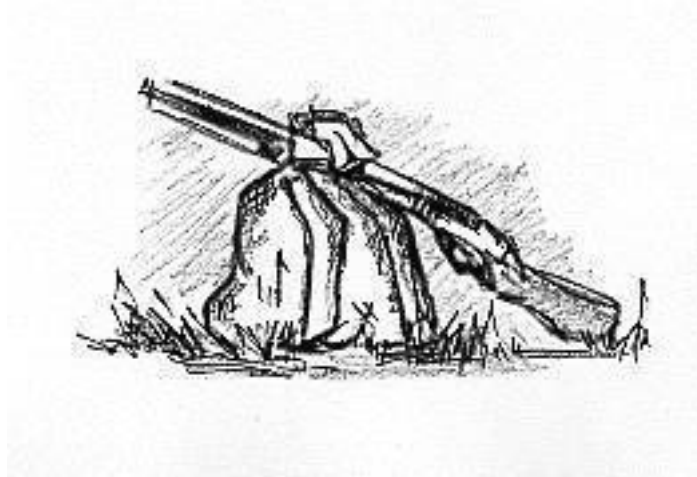
Знаешь, о чем мы мечтали тогда со Славкой?

Просчитать всё.

Приехать в Азию... Сесть в этой обжаренной солнцем пустыне на землю, на песок этот раскаленный, гребанный. Поставить перед собой бутылку теплого портвейна и ждать. И знать! Что вот сейчас, вот еще чуть-чуть и тряхнет! Упадет бутылка. Мы её вскроем, нальем в стаканы мутного пойла, выпьем и почувствуем – победили!

Мы сделали то, что хотели!

***

Мы тогда под Краснодаром стояли. Километрах в восьмидесяти от Горячего Ключа. Всё лето. Жарища! Палаточный лагерь в заросшем лесом предгорье. Это тебе не Средняя Азия – здесь влажность...

Для начала нам выдали новые хэбэшные робы – штаны, куртка и шапочка-пидорка – абсолютно черного цвета, аж блестит. Зэки – один в один! Мы радостно нацепили.

Приходишь из леса, мокрый весь, потный, сдираешь эту униформу и начинаешь чесаться и снимать с себя клещей, по пятнадцать штук за раз. Они, оказывается, на тепло реагируют – форма-то черная, на солнце разогревается, вот они с листьев на тебя и скачут.

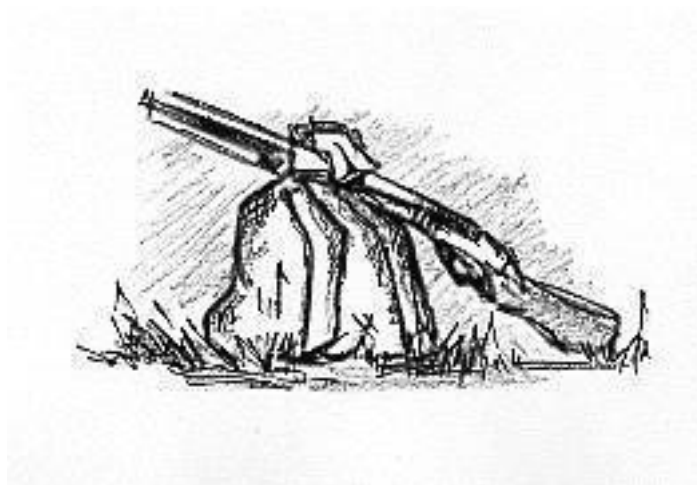
Ну, естественно, как только сообразили, так в старье переоделись.

Вообще, интересная была поездка. Было нас человек сорок. Люди разные, но уживались мирно. И все-таки разделились на два условных лагеря. Сейчас расскажу.

Пруд в лесу был... Озером назвать – язык не поворачивается. Маленький, грязный, заросший – метров двадцать в диаметре. Вода мутная, коричневая. Откуда он там взялся – бог его знает. А жара, духота, я уже говорил... Помыться-то негде.

Вот из-за этого пруда разделение и произошло. Часть народа радостно после работы бежала купаться. С мылом, с лежанием на берегу. Остальные крутили пальцем у виска – мол, идиоты, – там же сплошная зараза! Были и центристы. Один паренёк – Сашкой звали – так он целлофановый пакет на голову надевал, чтобы волосы не замочить, и только после этого лез в воду. Вот тебе пожалуйста – столкновение субъективных взглядов на чистоту и гигиену.

***

Ну и ещё вдогон... Интересный был случай, там же. Это уже под осень, народ разъезжаться по домам начал.

У шофера, что на «шестьдесят шестой», пассива в соседнем посёлке объявилась, он и зачастил туда ночевать.

Да какая там дисциплина, брось ты! Я же говорю, конец сезона.

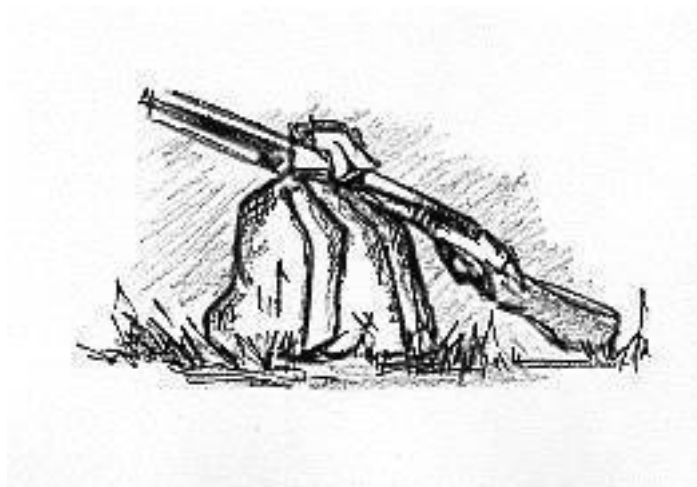
Возвращается как-то утром, то ли с похмелья был, то ли просто зазевался, но в поворот не вписался – машина плавно ушла в кусты и встала там аккуратненько. Он на попутках до лагеря добрался – и в ноги к начальнику. А начальник у нас хоть и опытный был, но нервный. Засуетились, отрядили две машины, понеслись с начальством во главе. Успели. Милиция ещё не подъехала.

Подцепили, дернули... а все на нервах, всё скорее! Неприятности, огласка никому не нужны. Выдернули, поставили на дорогу. Шофер – за руль. Начальник в крик: «Уйди! Я сам!» – и прыг в кабину, дверь в сердцах – хлоп!

Покатил, а дорога под горку. И только он вроде как разогнался, так начала подниматься кабина. Ну, знаешь? Она у «шестьдесят шестой» вперед опрокидывается. Наверное, не защелкнули впопыхах. Начальник, на ходу, из кабины, на асфальт. Машина опять через кювет и в лес, но уже не так удачно – помяло.

Вот он – конец сезона. Машину на жесткую сцепку – и в Москву, начальника в гипс – и на поезд. Нogu он сломал, когда прыгал.

***

Вот представь себе. Север. Солнечно. Утро. Редкие облачка на небе. Настроение изумительное. Вертолет тархтит на холостых. Летчики весёлые, что довольно редко случается, – лететь недалеко, что-то там забрать и вернуться. Расслабуха, одним словом.

Загрузились, полетели. А жарко... Пилот рубашку свою, выцветшую, застиранную, скинул, через плечо развернулся, повесил на крючок, за спину. Всё равно жарко! Раз – на себя окошко, шум и ветер по кабине. Рубашка из-за плеча, раз – и в окно!

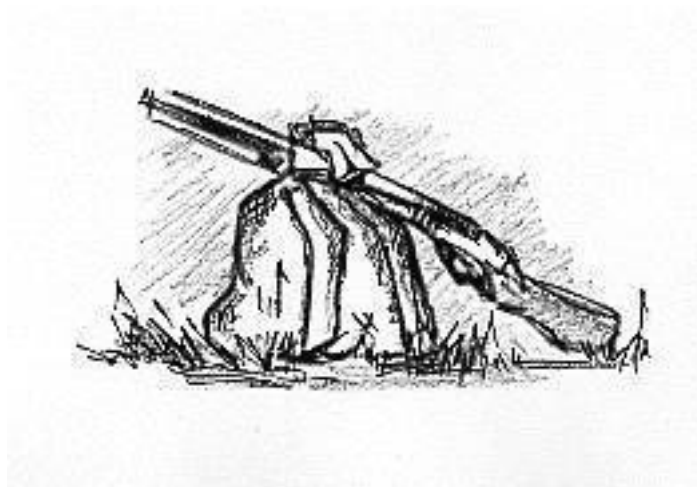
Как он за ней не спикировал – я не знаю! В рубашке, в нагрудном кармашке – лётная книжка, партбилет, паспорт – вся жизнь в этом нагрудном кармашке на пуговку застёгнута.

Два дня мы искали его рубашку.

Он прилетел к нам в отряд белый, как мел, поговорил с начальством. Надо людям помогать... Прочесывали тайгу, хорошо еще, что он на карте место отметил, задирали головы вверх – осматривали верхушки деревьев, да разве в тайге найдешь...

История, конечно, смешная, а вот результат плачевный – списали мужика из авиации вчистую.

***

Вот смотрю я на этот снег... – за окнами седьмого этажа университетской высотки мотался белый занавес первых снежных зарядов, ударивших по Москве, – а перед глазами аэропорт в Анадыре.

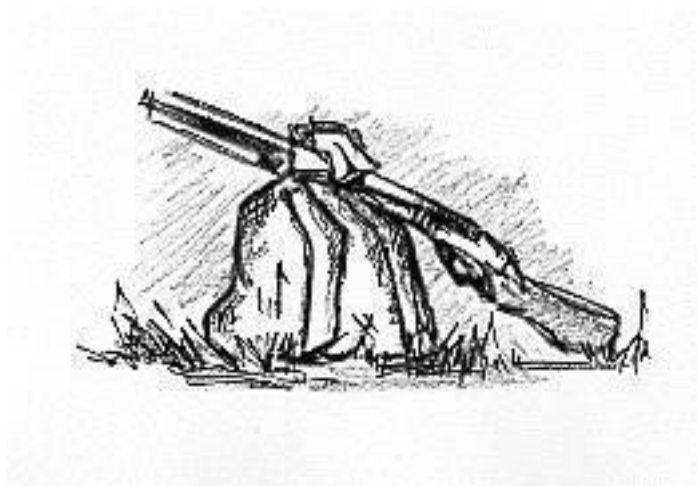
Мы тогда еще на Ан-ах летали... Вместо шасси – лыжи. Полосу там тракторами укатывают.

Ночь. Идём на посадку, полоса блестит, лоснится в свете прожекторов. Белая, высвеченная, и мороз, прямо чувствуется, висит в воздухе.

Посадка на лыжи жесткая – сначала тряхнет хорошенько, борт подпрыгнет и только потом побежит, поскользит по снежной полосе.

Выходишь – темно, и только в свете прожекторов воздух искрится.

***

Сам знаешь, в деревнях сейчас, особенно в глубинке, мужиков раз-два и обчелся, да и те пьют в мертвую. А тут случилась незадача – помер кормилец, хоронить надо, могилу копать, на кладбище везти. А кому? На своих надежды никакой. Пошли люди к геологам, что рядом лагерем стояли. Так, мол, и так... помогите.

Ну это святое помочь в таком скорбном деле. Договорились на завтра.

А вечером в лагере гулянка, дым коромыслом до утра – то ли чей-то день рождения, то ли конец сезона, я уже сейчас и не помню. Но состояние с утра было волшебным – голову от подушки не оторвать, язык от нёба не отлепить, куда уж там ехать могилу рыть. И жара, как назло, ни ветерка.

Собрались с силами, обливаясь потом, могилу вырыли. Двое, радостно отдуваясь, побрели к лагерю, а вот третьему – Вовке, он у нас еще и за шофера был, – на грузовике, с гробом, на кладбище ехать. А солнце припекает... голова раскалывается.

И вот, представляешь, пустынная шоссейка в лесу, медленно и печально движется скорбная процессия. Солнце пробивается сквозь листву. Теневые пятна разбросаны по дороге. Тишина и умиротворение. Впереди медленно едет грузовик. Гроб в открытом кузове. Следом – жидкая процессия из односельчан, в основном женщины в черном. За рулем Вовка, обливая сухие губы, рядом какой-то сильно подвыпивший мужичонка – дальний родственник покойного.

И только дорога чуть пошла под уклон, как из-за поворота навстречу газик, а в нем вся команда – в соседнюю деревню в магазин ездили, за портвейном. Увидели процессию, притормозили. Стоят на обочине, пропускают. Вовку заметили, бутылку в окно показывают.

И вот тут он не выдержал. Ну сил никаких нет, мутит его, потом обливается, а до кладбища еще километра полтора. Поставил рычаг передач на первую скорость, бешено рыкнул на мужика, чтоб ничего не трогал, и прыг на ходу из кабины.

В следующей за грузовиком процессии недоуменно завертели головами.

Вовка подскочил к газика и рванул на себя дверцу.

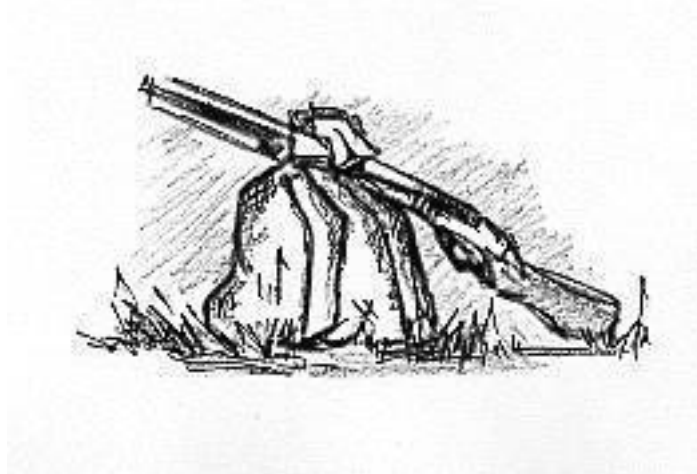
Следует отметить, что сидящие в газике его маневр поняли однозначно – мгновенно с бутылки была сорвана пробка, портвейн, пробулькивая, полился в стакан.

Единым махом Вовка опрокинул его в себя, сунул обратно в руки разливающему и получил взамен яблоко с коричневым лежалым бочком. Впился зубами. Мотнул головой, показывая, что полный наливать не надо, и так же молча влил в себя еще полстакана, после чего нелепыми скачками помчался вдоль скорбно бредущих догонять грузовик.

Обошлось... Нагнал, залез, довез. Никаких претензий – русский народ понимает, что такое «трубы горят».

Вернулся в лагерь вечером, одаренный за работу пятью бутылками водки.

***

Как-то лося подстрелили... Целая история.

Поначалу подранили крепко. Загнали в болото, там и достреливали.

Почему случайно?

Изначально была задача завалить, чтобы мяса на весь сезон хватило.

Мы в четыре лодки шли. Первый – Генка. На него этот лосяра и вышел. Они же любопытные страшно – обязательно надо поглядеть, что за шум на реке. Генка говорит: «Плыву, вдруг шум, треск, повернулся, а из прибрежного месива зелёнки, чуть ли не над лодкой, – морда здоровенная, рога как лопаты, и смотрит – интересно ему!» Бабахнул с ходу. Видел, что попал.

Лосяра – вверх по склону, кроша мелкие деревца. Генка причалил и за ним. Тут остальные подплывать начали – лодки бросают, ружья в руки и следом.

Он в болото ломанулся и встал без сил – Генка его хорошо зацепил.

Там и добили. А как вытаскивать? Болото, а он здоровый, как две коровы.

Жара! Ни ветерка. Мошка, комар – жуть! Оводы ещё... Пот в три ручья.

Освеживали, порубили и на слегах по частям к лодкам вынесли.

Мы с Пашкой ногу тащили – насилу подняли. Бредём, слега прогибается, нас от тяжести из стороны в сторону мотает. Целый день возились – умучились, ты не представляешь!

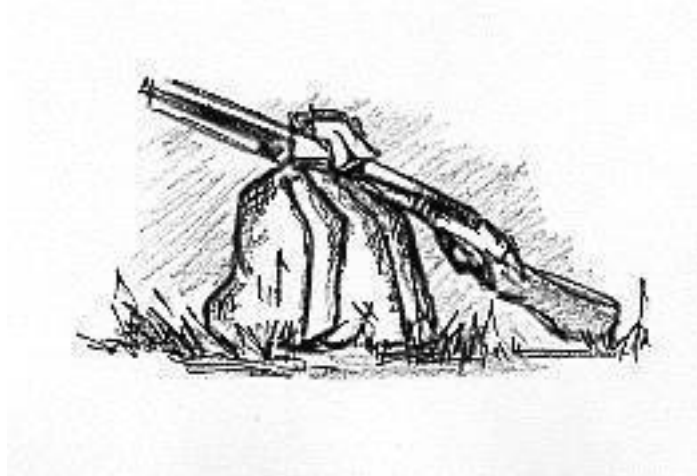
Зато вечером – свежая печень на костре, только чуть обжаренная – чудо, за уши не оттянешь! Натрескались от пуза. Утром просыпаюсь, ну и пописать... От страха чуть не обделался – струя зелёная! Не зеленоватая, а ярко зелёная, как зелёнка! Жуть!

Это мне уже потом рассказали, что свежая лосиная печень дает такой эффект.

А черт его знает, почему такое действие...

С лосем-то? Вертолет вызвали, загрузили лосятину, тушенки наделали. Так не только этот полевой сезон с мясом были, но и почти весь следующий. Здоровый был лосяра!

***

Чернобыль... Про это надо говорить отдельно...

Самому не довелось, а вот ребяташки из нашего отдела съездили.

Я поехал уже осенью, на машине, в район Гомеля, недалеко от Припяти. Поразили совершенно темные без единого огонька деревни, мимо которых проезжали, и колодцы, полностью замотанные зловещей черной полиэтиленовой пленкой. Наш водила по вечерам, пока мы копались в вечно барахлящей аппаратуре, усаживался у нас за спиной на свернутый спальник и планомерно выпивал бутылку водки, твердо веря, что спирт спасет его от излишков радиации.

Сейсмостанция, на которой была установлена наша аппаратура, обслуживалась молодыми ребятами. Вот им-то как раз и досталось. Майские праздники выдались жаркими, все повалили на берег Припяти – загорать. Девочки, шашлыки... Как результат – у всех серьезные проблемы с щитовидкой.

На этой станции у нас проводились долговременные наблюдения – ездили туда летом, из года в год. В мае вклинился Чернобыль – плюнул радиацией, и она неравномерно растеклась, размазалась, проникая и заражая всё и вся.

Мы к тому времени уже обзавелись счетчиками, поэтому поначалу мерили, где только можно, потом бросили – бессмысленно. Почему? Ну например, ставим палатки на поляне, предварительно замерив фон – в пределах допустимого. Я, как яркий индивидуалист, отодвигаю свою палатку под деревья на краю леса – расстояние от остальных двадцать метров, не больше. Совершенно случайно замеряю фон – уже намного выше.

Или идем на Припять купаться, счетчик, естественно, с собой. На берегу – пощелкивает, но если недолго, то ничего страшного. Опять же случайно, кто-то из нас измеряет «бечевник» – самый край берега возле воды, там, где река вынесла водоросли и разный мусор. Полоска-то шириной всего в полметра... Мама родная! Зашкаливает!

Ну ладно, это всё прелюдия, я сейчас не про это хочу рассказать.

Сразу предупреждаю – за что купил, за то и продаю. Как услышал... От себя ничего не сочиняю, а уж правда или нет – с меня взятки гладки.

Так вот... Грянул Чернобыль. Страна вздыбилась, поднялась на борьбу с бедою. Засуетились и у нас в институте. Собрали команду...

А теперь небольшое отступление. Экскурс, так сказать, – краткое субъективное восприятие того времени.

Серый тягучий застой – годы и годы. Жизнь скучна до оскомины. А возвращены-то с детства на подвигах отцов и дедов – уши все прожужжали об их героическом прошлом, как строили они для нас это «прекрасное далёко». Я хочу сказать, что предпосылки для подвига были налицо. И стоило только начальству выкрикнуть: «Кто? Добровольцы?» Многие сделали шаг вперед не раздумывая. Да и раздумывать было нечего – информации-то никакой. А где-то в кулуарах невнятно шептали что-то про ордена и денежные премии... Но уверяю вас, не это было главным. Надо было что-то сделать, доказать самому себе да и всем, что жил и живу не зря, что если надо, то готов собственной грудью...

От нашего отдела поехало человек десять. От членкора до техника. Задача была простая – поставить как можно ближе к реактору сейсмоприемники, для того чтобы зарегистрировать продолжавшиеся там мелкие взрывы.

Приехали, рассказывают, бардак там был страшный... Штаб – все бегают, генералы в погонах щеки надувают, орут друг на друга, кто за что отвечает – не поймешь. Общего руководства нет – каждый суетится сам по себе.

Наконец, выделили им какой-то угол. С грехом пополам оборудовали себе рабочее место – расставили аккумуляторы, самописцы, разложили и прозвонили «косы».

Ранним утром команда во главе с начальством на выделенной машине с сопровождающим отправилась к реактору. Эдакий наскок – краткий по времени – быстро забетонировать сейсмоприемники, раскинуть провода и назад. На базе, на самописцах, остался Рафик. Раций, естественно, нет, связи никакой, но договорились, что он будет отслеживать их по подключающимся сейсмоприемникам.

Что-то, всегда так и бывает в подобных случаях, не заладилось. Как оказалось позднее, обыкновенная «сопля» – контакт где-то полетел.

Проходят три часа – сейсмоприемники молчат, пять часов – молчат. Рафик начинает нервничать, постоянно выходит на улицу, ожидая, что команда вот-вот появится и наконец-то прояснится, почему работы срываются. Шесть часов – никого!

И вот тогда Рафик не выдерживает. Этого человека надо знать... Южная непосредственность способствует принятию нетривиальных решений.

Выйдя на середину улицы, он начальственным взмахом руки нагло останавливает катящийся на него БТР. Тот замирает, и из люка высовывается перепуганный сержант-срочник.

Рафик, приняв грозный вид, орет:

– Куда? Доложить!

Царящая вокруг неразбериха, общая нервозность, доходящая порой до истерии, способствовала полному ступору мыслительного процесса в голове сержанта. Срывающимся голосом он отрапортовал.

Рафик сменил гнев на милость.

– Отставить. Дорогу к третьему блоку знаешь?

Сержант знал.

Рафик полез внутрь машины.

– Гони!

Вконец обезумевший сержант развернул БТР и втопил педаль газа в пол.

Их никто не остановил.

Получая бешеную дозу радиации, они побродили по пустынному помещению блока и вернулись назад.

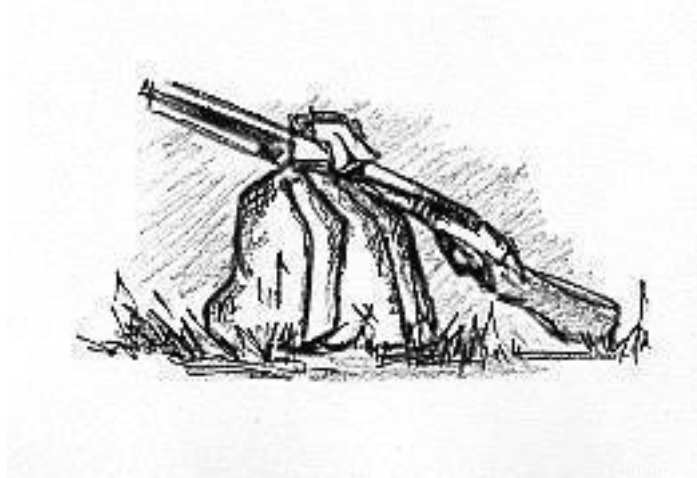
На базе произошла радостная встреча с пропавшими. Оказалось, разминувшись по дороге. Совместными усилиями нашли неполадку – аппаратура заработала.

Эпилогом к этой истории могла бы послужить реплика жены Максимова – инженера, технаря от Бога, классного прибориста – «просыпаюсь я ночью, а мой стоит у окна, курит и... весь светится».

Всё это, конечно, весело...

Сашка, самый молодой из той команды, умер через три года от рака крови.

***

Я сейчас расскажу тебе про «Площадь энтузиаста». Всё-таки Средняя Азия, мне кажется, это не только местоположение на карте, но ещё и особое настроение.

Итак, Средняя Азия, Таджикистан, наблюдательная точка «Ката-Айри», начало лета.

Предгорье, ровное как стол. В дали в жарком мареве виднеется невысокая горная гряда, прорезанная узкими морщинами саёв.

Два балка, продуваемые всеми ветрами. В двадцати метрах – заглушенная самоизливающая скважина. Лишь тонкая струйка воды течет по оголовку.

Даже этой струйки оказалось достаточно, чтобы вокруг неё развернулась баталия среди местных жителей из соседнего кишлака, что располагался километрах в восьми от этого места. Вода – это огород, а огород – это рынок и живые деньги. А нам нужен был приходящий сторож.

После долгих переговоров руководство экспедиции отдало предпочтение иссиня-черному, выжженному солнцем, пожилому мужику, мотивируя свой выбор тем, что у него, у единственного в кишлаке, была своя машина.

Он появлялся на точке не так часто. Издали был виден столб пыли, приближавшийся из-за горизонта. Медленно подкатывала блестящая красная «копейка» с черными тонированными стеклами. Из неё с широкой улыбкой в пол-лица выбирался сторож в выцветшем от старости грязном халате, в галошах на босу ногу. Подобострастно кланялся, прижимая руки к груди, бормотал что-то по-своему. Вытаскивал из машины кетмень с лоснящейся деревянной ручкой и узелок – в пеструю застиранную тряпицу были завернуты свежие горячие лепешки. Я и сейчас ощущаю этот запах свежего только испеченного хлеба.

Пустыня, блестящая красная машина, тонированные стекла, галоши... – согласись, несколько сюрреалистичная картинка.

Он появлялся раз в три дня на несколько часов, а потом ты снова оставался один на этой прожженной солнцем плоскотине, и не было никому дела до тебя.

На этой точке мне надо было просидеть месяц. Зачем? А не суть важно. Работой я был загружен минимально – час в день от силы. Остальное время надо было как-то проживать.

Через пять дней растительное существование обрыдло до предела, а впереди маячили ещё три бесконечные недели. Надо было что-то придумать, чем-то себя занять. Наблюдения за кузнечиками душу уже не согревали.

Ты знаешь, как реагируешь на появление первых кузнечиков в пустыне, когда один и нечем больше заняться?

Вдруг однажды ты замечаешь, как на жесткой, запекшейся песчаной корке, что у тебя под ногами, что-то шевелится. С удивлением разглядываешь кузнечика, только не зеленого привычного цвета, а грязно-бурого, как и всё вокруг. Долго гоняешься за ним, ловишь и сажаешь в банку. Собираешь разные веточки и суешь туда же. С умилением наблюдаешь за нехитрой жизнью такого знакомого и безобидного насекомого. Уже не один...

Через пару дней – кузнечики на каждом шагу. Уже не реагируешь, перестаешь обращать внимание.

Ещё два дня – и эти твари везде! Из-под ног брызжут во все стороны их маленькие поганые тельца. Они в балке, во выючнике с едой, на столе, на постели. Кажется, что все пространство заполнено этими чертовыми попрыгунчиками.

Еще неделя – и они пропадают, растворяются среди песка и камней.

Ну да ладно, я отвлекся...

В общем, одиночество одолевало, требовалось чем-то себя занять. Бесцельно шатаюсь по ближайшим окрестностям, я наткнулся на несколько больших камней – их бока еле проглядывали из-под песка.

И возникла гениальная по своей глупости идея – замостить площадь вокруг скважины! Все три последующие недели я бродил по пустыне, разыскивая большие камни, откапывал их, надрываясь и обливаясь потом, перекачивал к скважине. Рыл подходящие для них ямы и мостил, мостил, мостил... Болели руки и спина, сходил почерневший ноготь на отдаленной здоровенным булыжником ноге – ничто меня остановить не могло. Даже удушающая полуденная жара не умеряла моего пыла.

Зато был виден результат этого «сизифова труда» – за три недели я замостил площадь пять на пять метров, в центре которой торчал ржавый оголовок скважины! В одиночестве произошел торжественное открытие и нарёк – «Площадью энтузиаста».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.